

— Тан Цзянли, ты понимаешь, что это значит?

Тан Цзянли, конечно, знал. Он сжал запястье Е Чанцзяня:

— Не бойся, я с тобой.

После того как Четыре Великих Клана заключили союз, они усилили защитные барьеры вокруг Далёких Облаков и Вод. Далёкие Облака и Воды открывались для посторонних только в особые времена года, поэтому на одежде учеников этого места были нанесены заклинания, позволявшие проходить сквозь барьеры.

Таким образом, в обычные дни попасть в Далёкие Облака и Воды могли только местные ученики и старейшины Четырёх Великих Кланов Культиваторов.

Тот человек явно знал Далёкие Облака и Воды лучше его, но при этом использовал заклинания Ночной переправы под звон ветра. Если бы он был другом, зачем бы бежал? Это выглядело весьма подозрительно.

Е Чанцзянь некоторое время молчал, а затем произнёс:

— Ночная переправа под звон ветра никогда не считала нужным посылать шпионов в другие школы культивации.

— Я знаю, — ответил Тан Цзянли.

Е Чанцзянь посмотрел на него:

— Тан Цзянли, ты слишком наивен или слишком мне доверяешь?

Тан Цзянли посмотрел на него и просто сказал:

— Я верю тебе.

Тех, кто верил ему, было немало, как и тех, кто ненавидел, но ни один из них не вызывал в нём такого душевного волнения.

Е Чанцзянь приоткрыл рот: слова уже готовы были сорваться с губ, но в последний миг он пересилил себя и проглотил их.

Он когда-то очень хотел привести одного человека на Ночную переправу под звон ветра, но в итоге дождался лишь Строя Мечей, Истребляющих Бессмертных, обратившего всё в прах.

Он не боялся вновь пережить пронзание тысячью мечей и полное уничтожение души и тела, но страшился лишь одного: чтобы человек рядом с ним испытал хоть малейшую боль.

Е Чанцзянь улыбнулся ему:

— Пойдём. Мудань и другие ждут нас.

— Они наверняка будут очень рады. Теперь мы оба здоровы и проживём долгую жизнь.

Тан Цзянли обнял его за талию, выхватил Меч Ханьцзянь из-за спины и метнул его в воздух. Обняв Е Чанцзяня, он перепрыгнул на клинок и умчался прочь.

На этот раз он летел с огромной скоростью: в мгновение ока они оказались у того уединённого двора.

Е Чанцзянь в радостном волнении распахнул красные ворота, но обнаружил, что они и так были приоткрыты.

Во дворе царил тишина; тусклый свет свечей едва пробивался сквозь окна, дрожа и мерцая.

Е Чанцзяня охватило недоброе предчувствие. Он быстрым шагом подошёл к спальне и распахнул дверь.

Хайтан бесцельно сидел на полу, прижимая к себе розовое платье Фужун. Е Чанцзянь узнал его: именно в этом платье сегодня была Мудань.

— Хайтан, что случилось? — спросил Е Чанцзянь.

Хайтан не ответил.

Е Чанцзянь присел перед ним, развернул его плечи к себе и громко спросил:

— Что случилось?!

Хайтан поднял голову, саркастически усмехнулся и, глядя ему в глаза, тихо спросил:

— Госпожа никогда никому не причиняла зла, почему же благородные мастера не хотят её отпускать?

Сердце Е Чанцзяня ёкнуло, он замер на месте.

Тан Цзянли, возможно, не стал бы убивать Мудань, но остальные ученики Далёких Облаков и Вод вполне могли её не пощадить.

С каждым убитым демоном их сила возрастала.

Сегодня в Далёких Облаках и Водах был выходной, и группы культиваторов слонялись по городу Яньу.

Если они смогли обнаружить, что Мудань — демон, то и другие могли.

Демон остаётся демоном: как бы он ни скрывал свою ауру, его всё равно найдут, и смерти ему не избежать.

Е Чанцзянь отстранился, его лицо побледнело. Он бросил Хайтану траву Байгэ, которую держал при себе:

— Съешь это, и твоя болезнь пройдёт.

Сказав это, он бросился прочь со двора, словно спасаясь бегством.

Он бежал изо всех сил, не останавливаясь многие ли; узор кровавого лотоса на его лбу то проступал, то исчезал. Наконец он добежал до заброшенного кладбища, пропитанного густой тёмной энергией, и остановился.

— Где Мудань?!

— Где призрак Мудань?!

Он попытался призвать призрак Мудань.

Раз за разом он падал на колени, запуская заклинание призыва, снова и снова кусал запястье, рисуя кровавые символы.

В ответ — тишина.

Только Искусство меча клана Танмэнь, Рассеивающего Душу, способно уничтожить демона столь полно.

Душа Мудань рассеялась в прах.

Тан Цзянли всё это время следовал за ним по пятам. Не в силах смотреть на это, он подошёл, поднял его и прижал к себе.

Е Чанцзянь весь дрожал от ярости, глаза покраснели. Он с трудом сдерживал гнев, но голос его предательски дрожал.

Отчеканивая каждое слово, он спросил:

— Тан Цзянли, что такое праведность, а что — зло?

— Что такое бессмертный, а что — демон?

— «Чуждые племена — сердцу не братья»? Разве ваш клан Танмэнь не провозглашает на каждом углу, что ко всем нужно относиться одинаково?

— Почему вы можете быть такими жестокими?

— Мудань ведь тоже была живым существом!

В тёмной ночи, на пустынном кладбище разносился его голос, полный скорби и ярости.

Тан Цзянли крепко обнимал его, слушая его хриплый, иступлённый крик.

Помолчав, он произнёс:

— Е Чанцзянь, среди множества людей, убитых тобой в те годы, тоже были такие же невинные живые существа, как Мудань.

— Поэтому ты не должен снова впадать в демонизм.

— Я всегда буду рядом с тобой, но не хочу видеть твоих последующих страданий.

Тан Цзянли знал, что Е Чанцзянь не любил убивать и не был извергом. Он просто платил добром за добро и злом за зло, словно невинное дитя, искренний и цельный натурой.

Для Е Чанцзяня же та массовая резня после падения в демонизм не была предметом раскаяния, но это не означало, что тогда он не страдал.

Он никогда не забудет тот миг, когда впал в демонизм и принял на себя всю обиду, гнев, боль и отчаяние всех живых существ, духов и демонов в этом мире.

Это накрыло его с головой, захлестнуло, поглотило.

Всё, через что они прошли при жизни и после смерти, обрушилось на Е Чанцзяня, разрывая душу на части.

Тан Цзянли крепко обнимал его, согревая теплом своего тела, и раз за разом тихо напевал Мелодию изгнания демонов и омовения души, успокаивая его.

Е Чанцзянь постепенно успокоился. Кровавые узоры на его лбу и в уголках глаз поблекли. Он немного отдохнул, положив голову на плечо Тан Цзянли, а потом спокойно произнёс:

— Пойдём. Спросим, какой это герой из клана Танмэнь убил цветочного демона, жившего более ста лет.

Когда они снова переступили порог тех красных ворот, Хайтан уже держал в руках ножницы, готовясь воткнуть их себе в шею.

Е Чанцзянь выбросил каплю крови на пол, и мгновенно выросшие лианы сковали тело и руки Хайтана.

Одна из лиан со звоном выбила ножницы из рук Хайтана. Е Чанцзянь произнёс:

— Не торопись умирать. Скажи мне, как выглядел тот ученик клана Танмэнь, что убил Мудань?

Он и не знал, что среди этой, казалось бы, безнадёжной шпаны в Далёких Облаках и Водах водятся подобные герои, способные одним ударом обратить в прах столетнего цветочного демона.

Хайтан усмехнулся:

— Не лучше ли вам, мастер, сразу отправить меня вниз, к госпоже?

Сказав это, он закрыл глаза, приняв обречённый вид, и не собирался ничего больше говорить.

Е Чанцзянь махнул рукой, и лиана со звука оглушила Хайтана.

Он спокойно произнёс:

— Говорят, у кланов культиваторов есть одно древнее искусство — Искусство Стирания Памяти Духовной Нитью, способное удалять воспоминания.

— Тан Цзянли, ты владеешь им?

Если Хайтан не забудет Мудань, он наложит на себя руки тысячи раз там, где их никто не увидит.

Тан Цзянли утвердительно кивнул, подошёл к Хайтану и сложил пальцы в мудру. На тыльной стороне его руки проступил древний золотой талисман. Он начал читать заклинание, непонятное Е Чанцзяню, и коснулся указательным пальцем лба Хайтана. Оттуда вытнулась тонкая серебряная нить.

Тан Цзянли выдернул нить, скатал её в клубок и бросил в ночное небо.

Клубок превратился в множество серебряных искр и улетел в небо.

Е Чанцзянь заметил:

— Только у небожителей талисманы заклинаний золотые. Тан Цзянли, неужели ты скоро вознесёшься?

Тан Цзянли покачал головой и спокойно ответил:

— Я не стану небожителем.

Е Чанцзянь наклонился, поднял с пола траву Байгэ и положил её на стол, рядом с которым лежал Хайтан.

Он вышел наружу и заметил у окна пышно цветущий нарцисс.

Служанка, одушевлённая Мудань, после смерти госпожи лишилась разума и вернулась к первоначальному облику.

Они вернулись в Далёкие Облака и Воды.

Е Чанцзянь спросил:

— Как ты думаешь, тот человек, с которым мы столкнулись сегодня в Долине Ста Цветов, и тот, кто убил Мудань, — один и тот же?

— Почему ты так думаешь? — спросил Тан Цзянли.

— Просто слишком уж большое совпадение. Как ты думаешь, кто ещё из учеников Далёких Облаков и Вод способен одним ударом обратить в прах столетнего цветочного демона?

Тан Цзянли ответил:

— Кроме старшего ученика, все выдающиеся ученики прошлых лет после выпуска напрямую зачислялись в Четыре Великих Клана и возвращались в свои обители. Что до этого года — пока неизвестно.

А когда ещё можно будет разобраться с истинной силой и приёмами учеников разных школ?

На Октябрьском внутреннем турнире боевых искусств!

Е Чанцзянь вспомнил о материалах для артефактов, которые он привёз из Ущелья Ясной Луны, достал их из-за пазухи и помахал перед носом Тан Цзянли, словно драгоценность:

— Угадай, что это.

Это была потрёпанная, совершенно обычная половина зеркала.

Тан Цзянли бросил на неё беглый взгляд и произнёс:

— Зеркало Инь и Ян.

Один из десяти великих небесных артефактов. Его сила превосходит Печать, Сотрясающую Небеса.

Е Чанцзянь: ...

Он прищурился и стал с ног до головы внимательно разглядывать Тан Цзянли.

<http://bllate.org/book/16478/1496842>